

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

3/283/4

„ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»“

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

Под редакцией Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ Л. И. АКСЕЛЬРОД,
Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ И Э. М. ЗИ-
НОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ

СБОРНИК № 4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

В. И. ЗАСУЛИЧ

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ

(90-е годы)

Необходимо предварительно сказать несколько слов по поводу помещаемой нами здесь части писем В. И. к Г. В. Вместе со многими другими рукописями и документами они хранились в находящемся теперь в Париже архиве Г. В. Плеханова, откуда и были мною извлечены летом 1922 года. Письма эти относятся, главным образом, к середине и концу 90-х годов, когда В. И., изгнанная французским правительством из Савойской деревушки Морнэ, переехала в Лондон (в 1894 году), а затем, в начале 1897 г., оттуда переехала в Цюрих. Но, несомненно, что она переписывалась с Г. В. также и в 80-х годах, когда временами уезжала сперва из Женевы, затем из Морнэ в другие города: на это, между прочим, указывают помещенные нами в № 3 нашего сборника письма к ней Г. В., ответов на которые не оказались в его архиве, где также не нашлись и его письма в ответ на здесь помещаемые, равно как нет там и писем многих других ее корреспондентов, в том числе — моих, Стефановича, Анны Кулешовой (Турати) и других друзей, приятелей, знакомых. Несомненно также, что В. И. не уничтожила никаких ни рукописей, ни документов, тем более получаемых писем. Ясно, что огромный ее (а также и мой, оставшийся у нее после моего ареста во Фрейбурге) архив попал в чьи-то руки после ее отъезда в конце 90-х годов в Петербург. В чьи именно, — могу лишь строить догадки. Оставляя в стороне лояльность, этичность поведения этих таинственных укрывателей чужих, очень ценных, материалов, замечу, что по-неволе приходится пока печатать нижеприводимые письма, хотя мы и сознаем чрезвычайное затруднение читателя ориентироваться, понять в них многое, не имея ни предшествовавших им ее писем, ни ответных Г. В. и других лиц.

Отчасти по этой причине, но также в виду отсутствия на преобладающем большинстве из этих писем дат, нам пришлось затратить неизмеримо много времени, — в сложности, вероятно, не меньше нескольких месяцев, — чтобы

расположить их сколько-нибудь последовательно, при чем мы заранее уверены, что едва ли нам это удалось, — все это, повторяю, благодаря таинственному укрывателю архива В. И. и моего.

Нужно ли говорить о том, что, несмотря на все эти изъяны, помещаемые здесь письма Засулич к Плеханову представляют огромный интерес как своим содержанием, так и своеобразным языком и только В-е И-не приеущей манерой писать.

В заключение еще раз обращаюсь ко всем тем, к которым еще не дошли мои прежние просьбы, возвратит сохранившиеся у них письма В. И., а также Г. В. и мои. Л. Д.

Р. S. Настоящая рукопись давно уже была мною сдана в печать, когда я получил от Роз. Марк. Плехановой из Берлина сообщение, что ей передана из архива П. Б. Аксельрода часть хранившихся у него моих и Я. В. Стефановича писем из Сибири к В. И. Засулич. Возможно, что со временем найдутся и другие оставшиеся у В. И. письма. Л. Д.

1

Цюрих, 22/VIII 1891 г. (откр.)

Дорогой Жорж, посылаем 50 франков: они в Германии собраны вообще на литературу. Посланы на адрес Лифшица. Хорошо, кабы можно поскорее отпечатать ваши воспоминания ¹⁾, чтобы брошюра для рабочих была готова. Если ее к 1-му мая послать в Америку, наверняка много и быстро распродалось бы. Да и в других местах.

Здесь не получено еще ни одного экземпляра нашего доклада, и здешняя публика этим очень огорчается. В Берне еще при мне был 1 экземпляр, но я его там и оставила. Кричевскому я (Павел молчал) так ответила, что, по-моему, целый лист ответа на такую глупость много и, вообще, пока трудно решить окончательно о печатании этого ответа. Каков-то у них будет номер газеты да и выйдет ли?.. Словом, уклонилась. Ладно сделала? Успокойте мою душу — напишите или попросите кого написать, посланы ли в Берн по 100 экземпляров трех книжек нашего журнала ²⁾? Боюсь, будет поздно! Я переселяюсь завтра к Грейлиху ³⁾, одна.

¹⁾ Имелся в виду — «Русский рабочий в револ. движен.». Л. Д.

²⁾ «Социал-Демократа».

³⁾ Лидер швейцарской соц.-дем. партии.

Пока отчаянно кашляю и не сплю от этого по ночам, да и не мудрено — скоро неделя с утра до ночи на людях. Что это у вас рука болит, говорит Крич[евский]? Ревматизм?

Ваша Вера.

2

[Цюрих. Летом 1893 г.]

Дорогой Жорж, меня страшно мучают и мои вины и бездействие здесь. Я, действительно, дурно сделала, пропустивши мимо ушей о письме к председателю и поклонившись Левиной. В последнем виноват весь мой характер, недопускающий никаких грубостей spontanément [внезапно]. Я могу их делать, только заранее надумавши, что такую-то грубость надо сделать, а об Левиной раньше не подумала. В этом я виновата, но не думайте, бога ради, что я теперь к этой истории отношусь, как к мирной. Тогда, по-моему, не было оскорбления, а теперь оно есть, и я чувствую его всей душой. Меня мучает теперь такое опасение. Лев[ины] могут не заявить суду о моем письме, а вы тоже не вызовете меня в качестве свидетельницы, — решите устранить меня за мои вины. А я непременно хочу быть на суде: я уверена, что буду более действительной обвинительницей, чем вы сами. Это уж я надумала и буду. Не опасайтесь моего, по-вашему, «изменнического», характера. Нельзя ли, раз Лифшиц меня обвинять не будет, мне явиться обвинительницей, обиженной стороной? Это удобнее, чем свидетельницей. Я каждую минуту порываюсь в Женеву. Строю планы, а потом остаюсь. Я боюсь, что вы так злы на меня, что будете недовольны моим приездом, объяснения будут затруднены, выйдет одно взаимное терзанье.

Меня мучает, что я слишком мало выступала в этом деле. Простите меня, Жорж, и помогите выступить хоть на суде или еще, как придумаете ¹⁾.

Ваша Вера.

¹⁾ Содержание этого письма относится к третьей инстанции, на который вызвала Р. М. Плеханова некую Лифшиц за клевету: подробно она об этом сообщила в примечаниях к переписке Плеханова с Аксельродом. Л. Д.

3

Рейньер [вблизи Морнэ], 22 марта 1894 г.

Дорогой Жорж, хозяйка по своему безграмотству просит меня предупредить вас, что на будущей неделе неукоснительно сделает на вас нашествие. Думаю, на этот раз будет упряма и проживет у вас хоть до мая, пока не достанете. Меня она тоже ежедневно спрашивает, не получила ли я денег. Я ей сказала, что жду, так как сестра действительно писала мне, что постарается прислать хоть рублей 20.

Павел уж недели 2 тому назад писал мне, что «на днях» пришлет (я его об этом просила) мне «Русское Богатство», где статья Михайловского.

Боюсь, что для экономии он послал книгу на Женеву и она валяется у вас. Если это так, то, ради всего святого, черкните мне только одно слово: «да». Я за ней тогда нарочно приду.

Ваша Вера.

Как у вас с отёрочками? ¹⁾

4

Пятница вечером. [Лондон, в 1894 г.]

Милый Жорж, я набросилась, наконец, на музей: вот 3 дня, как сижу там с 10 ч. утра до 6 ч. вечера. И домой среди дня не бегаю, а там пью кофе с чем-нибудь. Устаю отчаянно, но на душе как-то лучше. В музее веду себя в роде вас: столько натаскиваю книг, что относить их приходится в 2 раза, поддерживая бородой. Если будет продолжаться моя музейная горячка, курить совсем отвыкну, потому что, не куривши целый день, я и дома еще часа 2 не могу курить: голова кружится, пока не отдохну и не наемся. Музеем только и можно увлекаться, когда читаешь для определенного писанья. Тут точно сразу 20-ю глазами читаешь сравнительно с обыкновенным чтением, при котором никак нельзя совсем забыть, что хочется курить, есть, поваляться, что колет боль.

¹⁾ В. И. имела в виду временное разрешение Г. В-чу со стороны правительства оставаться в Швейцарии. Л. Д.

Пойду в воскресенье к Энгельсу, если только за день отсутствия музейной горячки не развезет меня, как по вечерам. Вот и теперь, мне даже писать вам лень, хотя, вообще, это занятие самое приятное. Сегодня читала *Oeuvres de Max. Rob.* ¹⁾ Недаром его [Луи] Бл[ан] любит, — умы у них родственные, хотя не характеры, конечно, и оба, ударяясь в красноречие, обезьянят манеру Руссо.

А с устными спорами, я думаю, вам придется проститься. Если загоняете, как вы надеетесь, Мих[айловского], никто с вами спорить не станет, — будут бояться. Сам, мол, медведь не устоял — уж где же мне! Или разве уж совсем глупенький ребенок выскочит. А что же Жук ²⁾? Вы как-то писали, что его хотите подкараулить?

Да, знаете ли вы, что Лиза Лурье ³⁾ уж давным-давно вышла замуж за француза (которому я послала вашу ру-

¹⁾ Робеспьера. Л. Д.

²⁾ Ник. Ив. Жуковский. Л. Д.

³⁾ Лиза Лурье появилась в Женеве в конце 80-х годов и сразу заняла выдающееся место среди студенток местного университета. Она также приобрела симпатию эмигрантской среды. Молодая, стройная, с красивым немножко цыганского типа лицом, она очаровывала окружающих. С симпатичными, простыми манерами она соединяла ум, веселый характер и остроумие.

Социалисткой Лиза сделалась еще в России, где она принадлежала к киевским революционным кружкам. Образ ее мыслей носил вначале слегка анархический характер, но очень скоро под влиянием группы «Освобождение Труда», в особенности Веры Засулич, она сделалась социал-демократкой. Ее влияние на русское студенчество в Женеве было большое и благотворное. Она устраивала социал-демократические кружки, собирала средства, пописывала статьи для социалистической газеты.

В 1893 году Лиза уехала в Париж, чтобы закончить там свое образование по общественным наукам. Там она также завела широкие связи в социалистической среде, русской и французской. В последней, неизбалованной в то время выдающимися идейными женщинами, она приобрела особое влияние.

В начале 90-х годов она вышла замуж за француза, студента-юриста Sarraute, который из яркого католика обратился в социалиста, в значительной степени под влиянием своей чародейки-жены.

Лиза Лурье была одной из редких русских женщин-революционерок, которая продолжала до самой смерти живо заниматься русским революционным делом, несмотря на то, что целиком погрузилась в социалистические интересы своего нового отечества. Она умерла во цвете лет от легочного туберкулеза в 1910 году. Р. II.

копись анархистов)? Бедный Сел. уж б[ыл] в отставке, когда здесь был! Кабы я знала, б[ыла] бы с ним любезнее от жалости. Русских уж скоро месяц, как никого, кроме Берви [Флеровского], в музей не видала и даже начала забывать, что они есть на свете. Вы как-то советовали Кита 1) не забрасывать на том основании, что он животное честное и хорошее. Я совершенно согласна, что честное и хорошее, но о чем с ним говорить? Гинзбург 2) сам молчит, но по крайности знаешь, что по его соц.-дем. званию он должен интересоваться всем соц.-демократическим, ну и трещишь сообразно с этим. А Сергей? Не придумаешь ему темы; ехать же такую даль, чтобы помолчать, как-то обидно. А мне вот сейчас только пришло в голову, что, должно быть, бросилась я в музей под бессознательным впечатлением вашего последнего письма. Хоть вы меня и не «в то место» похвалили, а все-таки подействовало ободряюще.

5

Вторник

Милый Жорж, получила ваше письмо от воскресенья. Мое это письмо не пойдет, должно быть, ни нынче ни завтра, так как почта вместе со всем прочим заперта, вероятно и из ящичков не вынимают. Но часа через 1½ я должна отправляться к Фр. Кар., и у меня — отчасти от этого, должно быть, а отчасти от высказанного вашим письмом раскаяния, что я все еще пока думаю не о Руссо — не читается стоящая на очереди 23 глава 5-го Abschnitt'a [отдела] «Капитала»: «Zins und Unternehmergewinn» [Цена и предпринимательский доход].

«Кот» 3) несомненно простейший кот. Мне даже кажется теперь, что вы воображали его менее простым, чем он есть.

А знаете, я вам готова головой поручиться, как будто бы это своим умом подслушала, что Н. — он [Н. Даниельсон], которому старик [Энгельс] давно посылал корректуры, рас-

1) Одна из кличек Сергея (Кравчинского). Л. Д.

2) Бор. Абрам., он же Кольцов. Л. Д.

3) Так В. И. называла III т. «Капитала».

сказывал их содержание Кривенке. Оттуда он и взял свою фразу о падении прибыли вместе с уменьшением доли рабочего. Оттого-то я и думала, что Кот представляется вам менее простым (ангорским, что ли?), чем он есть, что вы на Кривенку напрасно за это кричали. По «Капиталу» так оно и есть. Уровень (Rate) прибыли падает одновременно с увеличением степени эксплуатации рабочей силы, с ростом Rate Mehrw[erth] [уровень прибавочн. стоим.]. Не будет никакой нелепости представить себе уменьшение — не то что уровня, а даже массы прибыли — при продолжающемся росте Rate Mehrw[erth]. Я со страхом стараюсь сообразить, не могли ли вы в посланной уж статье где-нибудь лягнуть за это Кривен. так, что я не заметила? Слава богу, кажется, не могли, а при мне не касались этого. Вы скажете, что это маловерие и что вы отлично бы вывернулись. Может, и вывернулись бы (сведя вопрос с меновых на потребит. стоимости — разве, да и с большим грехом пополам), а все ж Кривенко и Н. — он были бы в восторге. Успокойте вы меня насчет этого.

Написан этот том местами очень беспорядочно с повторениями, с длиннейшими, ничего не прибавляющими объяснениями того, что сразу ясно. Иную главу положительно нельзя читать «так-таки уж без всякой мины». Но в общем Кот со своей простотой принимает по мере чтения громадные размеры (с музейного кота М-ме Войнич) и возбуждает у меня в голове массу беспокойства. Если бы вы были тут, вышел бы на меня огромный крик. А кабы еще и Павел, не жить бы мне на свете. Я, например, готова уверять, что Англия сама по себе идет ничуть не к социализму... «Ну, да уж пусть»... В Капитале-то этого не сказано, это я соображаю, прибавив к «Капиталу» еще и то, что психология английского пролетариата уже успела приноровиться к капитализму... Это вам и Ф. Кар. говорит. И полнейший неуспех здесь социал. пропаганды говорит. В сущности, все это надо бы мне выкинуть из головы, чтобы приниматься за Руссо, да уж втянулась в «Капитал», не могу не кончить. Хотелось бы мне с Ф. Карл. поговорить, да не смею ему даже и признаться, что читаю «Капитал». Так мне и кажется, что он удивится и начнет мне что-нибудь объяснять, как малому ребенку, и я сконфужусь и замолчу. В первое воскресенье

после вашего отъезда я у него не была — бок очень болел, а третьего дня была. Был чрезвычайно любезен, но «Капитала» не подарил. Снесла я ему армянский журнал. «C'est ce que je ne ligai pas! Oh non! Merci»... [Этого я не буду читать! О, нет, merci!..]. А потом прибавил, что армяне это не более, как «matière à atrocité» «материал для жестокости» в пользу России. Ну не злая ли тварь? Он думает, что закон против с.-дем. в Германии не пройдет. Что юнкера, забравшие Вил[ьгельма] в лапы, хотя не закона этого, а столкновения с парламентом, мечтают, быть может, управлять без парламента, который не исполняет их таможенных требований. Ну, иду к Ф[ридриху] Кар[ловичу].

Среда

Обед у Ф[рид.] К[арл.] был парадный. Индейка ростом с 2-годовалого ребенка. На всяком приборе букеты и билетки, кому прибор. Посылаю мой билетик, показывающий старание старика писать по-русски. Гостей, кроме тех, что и вы встречали у него, были всего только Моттелеры. Скука мне была весьма основательная. Приглашена опять на такую скуку под новый год. Обещала быть, но уж не знаю — не заболеть ли? В действительности-то у меня нездоровье какое-то бывает после беготни, вот сегодня, а то ничего, здорова.

Селитренного ¹⁾ уже нет. Уехал официально в Манчестер. При таких хороших условиях, что я должна была сказать, что отлично делает, что едет. Ему, впрочем, по пути придется еще подождать осуществления условий. Адрес у меня есть. Крытая ²⁾ в Нанси, а где Рябова ³⁾?

«Предисловие» я уже послала Павлу с тем, что если реферат в пользу ссыльных дадут путные люди, пусть отдаст, а нет — пусть бросит.

Притворяйтесь вы с интеллигенцией, будто грустны, хандрите. Самый лучший способ гонять ее без обиды.

Крепко жму руку.

Ваша Вера.

¹⁾ Эмигрант, близко стоявший к группе «Осв. Тр.».

²⁾ Раковский.

³⁾ Его невеста.

6

(Лондон. 31-го декабря 1894 г.)

Милейший Георгий Валентинович, — это в самом деле хорошее учреждение — писать в субботу, если когда без обману: встаешь в понедельник и уже знаешь, что внизу лежит письмо. Опять пишу вам пред уходом к Фридриху Карл[овичу] ¹⁾ встречать новый год. Положим, там, вероятно, будет шампанское, но тем не менее меня просто страх берет перед путешествием: погода (все хвалят), но, по-моему, просто ужасная. Очень ясно, ни тени тумана, но мороз, скользко и страшный ветер. Уж пора бы итти, а я принялась писать, именно чтобы выиграть время. Я ведь и не говорила, чтобы Кот был плох. И, напр., последняя глава, [которую] я сейчас читала, — об Arbeitsrente [рабочей ренты], — мне очень понравилась своей историчностью: из нее выходит, что когда (en grand в истории) средства производства принадлежат производителю, то для получения с него прибавочной стоимости он, производитель, сам более или менее кому-нибудь да принадлежит (не свободен), — то государству (на Востоке и у нас), то феодалам. Нет, Кот-то недурен, но Фр[идрих] Карл[ович], из излишнего почтения, все же выпустил его в публику неумытым и непричесанным...

7.

1895 год, 1 января

Поздравляю с новым годом! Проснулась я нынче совершенно несчастной: вчера от Фрид. Карл. всей компанией 2 часа [пришлось] бежать пешком: конки уже не ходили. А ветер при морозе был такой, как в Женеве в самую страшную бизу. Сегодня у меня с 1/2 дюжины болезней: зубы болят, голова и полешины, вдобавок кашель берет и голову и спину. Ну, зато теперь праздники прошли, и можно будет недели 2 ровнехонько никуда не показываться. Вчера немцы все старались острить и рассказывать страшные

¹⁾ Так мы величали Энгельса.

анекдоты. В особенности старался немец, который сидел недалеко от вас на социалистическом обеде — что-то вроде Шоу называется он. Я и понимала их, и переводили-то мне, а все-таки никак не могла схватить, чем они смешны. Должно быть, как и еврейские, они смешны только на родном языке. Пришла я поздно и подле Ф[рид.] Кар[лов.] места б[ы]ли заняты, т[ак] что я села далеко. Со своей обычной любезностью он сейчас, как от'ели, приволок стул и сел подле меня. Я решила заговорить о Коте и для подготовки завела разговор о безнадежности и никуда негодности здешнего социализма. Он принялся *renchéir* [усиливать, увеличивать] эту же тему: здесь и всеобщее избирательное право не будет иметь никакого значения, — рабочие им не воспользуются; для самостоятельного участия в выборах надо тратить деньги или труд, как в Германии, а английский рабочий пальцем не пошевелит и копейки не даст, раз не рассчитывает получить от этого прямой денежной выгоды. Счастье Германии, что политическая буржуазная революция в ней так запоздала, что досталась на долю уже проснувшегося рабочему классу. Это не дает немецк[ому] рабочему классу уйти в чисто ремесленную борьбу, как английский, поддерживает в нем общественно-политич[еские] интересы. То же счастье предстоит и России: по нашим словам, в ней рабочий класс читает, просыпается, следовательно, примет сознательное участие в политич[еском] освобождении. Это как раз подвело меня к тому, что мне хочется ему изложить. Ну, мол, а без нас с Германией? Не подсказывают ли его же собственные, Энгельсовы, примечания и добавления, что анархия в производстве уменьшается, — кризисов-то с 1867 года нету и на прежний ф[асон] больше не будет? — *Schwindel* был результатом незнания капиталистами того всемирного рынка, на который они производили. Теперь телеграфы, быстрота сообщений и проч. сделали то, что рынок они знают и уж не фантазируют, что сколько ни производи, где-то кто-то купит. Маркс говорит, что, сосредоточившись в руках очень крупных капиталистов, производство должно задремать (*einschlummern*), перестать гоняться за *Extraprofit*[ом], а следовательно, перестать усиливать производительность труда, «уширять» производство и проч. Вот это самое и делают (и делают сознательно) картели. Сосредоточивши целую отрасль

производства в своих руках, поделивши между собою рынок, картель не имеет никаких резонов впасть в Schwindel и очень мало резона усиливать производительность труда. Конечно, картели только облегчают планомерную организацию производства захватившим власть пролетариатом, да у английского-то пролетариата нет никакой психологической возможности такого захвата и организации, и английская жизнь an und für sich [сама по себе] вовсе не идет к развитию этой психологической возможности. Но это я вам излагаю, а ему-то только что собралась с духом начать, как б[ыло] заявлено, что всего 5 мин. остается до нового года и надо готовить стаканы. Так я и не создалась в чтении Кота. — Шампанского... не б[ыло], а какая-то кислятина. Сегодня утром я получила Money Order ¹⁾ на 39 шилл. и опять в сомнении, от кого? Положим, Павлу даже и не сумеешь так послать, но от вас это слишком много, — ведь «на комод» вы еще не могли получить (ой, как голова болит, пока писала о Коте, было забыла о ней). А вы не думайте, что меня эти мысли огорчают. Ни на волос, — я «саморазлагающегося» капитализма никогда не любила, а эти мысли увеличивают для меня значение идеологии. — Напишите, вы ли послали, а то я в сомнении — не осмеливаюсь итти получать: на ордере говорится не давать — кто не скажет имени. А вчера Элеонора спросила ваш адрес, чтобы послать вам 15 шилл., которые, она думает, получатся на этой неделе, так как начато печатание в «Викли Тайме» ваших анархистов. — Я ей сказала, что вы их мне предназначили; она, конечно, ничего против этого не имеет. Таким образом я становлюсь ужасно богата. Могу вам вернуть часть, а коли не надо, так куплю себе даже стеганое пуховое одеяло, а то стало по ночам страшно холодно, и я натаскиваю на себя все платья, не исключая парадного. — Непременно пришлите «Неделю». Злиться на противников для человека очень полезно. Верну вам ее в целости вместе с Котом, на котором не найдете ни одного портрета моего пальца, — я как только замечаю такой палец, сейчас его вылизываю.

Ваша Вера.

¹⁾ Почтовое извещение о деньгах.

Гермафродит [?] мне Струве не оставлял, я и не знала, что он у него. Он поступил на службу к торговцу мехами. Они их закупают на месте производства. Но это большой секрет ¹⁾.

8.

Лондон, 1895 год

А какая лиса! Она даже Гегеля не читала и воображает, что не придут собаки и не вытащут ее за морду! А славная книга [повидимому, Бельтова], — мне в первый раз случается прочесть книгу этого происхождения, как читателю, а то я всегда заранее знала, что в ней будет. Я днем вчера не позволила себе читать ее и зачиталась ночью — всю прочла и сегодня готова злиться на автора за ее занимательность, т[ак] как совсем почти не спала, вдобавок, она и теперь вертится в голове и мешает работать. Если бы вы меня оставили в покое с другими работами, я скоро кончила бы Руссо, но, если не кончивши, я должна буду написать статью, — не знаю.

К какому сроку нужна эта статья? Напишите непременно, я до тех пор не начну, не брошу Руссо. Я мечтаю, нельзя ли его сперва кончить, а потом ту написать.

Напишите мне адрес Водена ²⁾ *непрерменно*.

Ах, кабы вы могли понять, какая мне грозит беда! Ф. уже за что-то злится на Назарбеков ³⁾, и я боюсь, что она предложит мне поселиться вместе. Ведь это значит взять на себя все заботы о ней, все помыслы на ней сосредоточить. Бросить все работы, — это две вещи не соединимые, — иначе буду только злиться (как во время Шмул[евича]) и портить обе. Месяц у нее я могла думать только о ней, но именно потому, что месяц... Я не люблю ее достаточно, чтобы сосредоточить на ней весь смысл своей жизни и долго все равно не выдержу. Я должна отказать. Но хватит ли у меня на это злого мужества? Она недавно одна у меня была и говорила, что не хочет жить у Н[азарбеков]: «у них, мол,

¹⁾ Эта приписка, очевидно, имеет иносказательный смысл. Л. Д.

²⁾ См. о нем в № 2 нашего сборника.

³⁾ Супруги, армянские социал-демократы.

столько интересов». Надеется, кажется, что у меня их нету. Я стараюсь не вспоминать об этом, а все-таки лезет в голову. Как мне быть?

Ваша Вера.

150 фр. из Берна я не получала. Но денег у меня немного есть. Во время пребывания у Ф. сестры прислали 50 р. И через англ[ичан] из Питера — 30 шилл. Коли не визжу, значит есть. Кабы очень плохо пришлось, завизжала бы вам или Павлу.

9

Лондон, 1895 г

Дорогой Жорж, деньги получила, как увидела я в вашей карте, что вы их отправили «Надежде», я, было, думала, что не от этого ли и [от] Гуковск[ого] деньги не получают? Меня Элеонора своим умом в музее записала Верой Бель, — я нашла, что так и лучше. Паспорт ведь все равно в Монетье ¹⁾ остался. Я и у хозяек и на почте везде стала расписываться V. (B.). Но нет, выдали без разговору.

Была третьего дня у Энгельса, — ничего интересного. О книге Бельтова не говорил, — верно еще не прочел; говорил только, что вы ему прислали «письмо к царю», должно быть, то, с которым «Фонд» все носится.

Пишу в музее в ожидании книг. Погода стала сравнительно теплейшая, но именно теперь почему-то свирепствует инфлуэнца. Из знакомых (Мендельсоны, Моттелеры) побаливают с неделю да и выздоравливают, а лондонцы-англичане, по газетам, мрут, должно быть, из unemployed (безработных).

Книги пришли. Письма от вас утром не было.

Ваша Вера.

10

Лондон, 1895 г

Милый Жорж, болезнь у меня продолжается, но ведь это обыкновенная болезнь, которая каждую зиму разок-другой непременно бывает и без мушки или с мушкой все

¹⁾ Деревушка над Морнэ, где одно время жила Вера Ивановна.

равно проходит. На этот раз их, положим, соединилось несколько сразу. Кроме кашля с лихорадкой, еще ревматизм и невралгия ($\frac{1}{2}$ носа). Благодаря Элеонориным морфийным лепешкам, по ночам я все-таки кое-как, хоть и немного, да сплю, но зато главный капсель перебрался на утро, и в музей ходить решительно нет возможности, а чтобы кончать Руссо, мне необходимо натаскать всяких свидетельств о том, как именно перевирали его разные его «ученики», сообразно со своим временем, направлением (у него были с самыми разнообразными направлениями) и положением.

Фрейбергеру ¹⁾ вы написали, конечно, совершенно напрасно, но я надеюсь, что он и не придет. А если не придет, то мне от вашего письма будет одна польза — можно будет приличным образом еще одно (в последнее — вчера — не была) воскресенье не быть у Энгельса.

Элеонора мне еще раз дала 15 шилл., всего два раза. С них мне, конечно, бы не прожить: 15 шилл. нехватает при всем старании даже на неделю (с квартирой), а она дает через 2! Но у меня тянулись — и теперь еще потягиваются — деньги, присланные из Цюриха.

У Мендельсонов ²⁾, действительно, к сожалению, всего веселее: разговор там всегда о чем-нибудь интересном, не хозяйственном, по-французски. И еще у меня нет ощущения, чтобы они занесли меня в категорию «Mann» или «Frau-der That [«человек или женщина дела»] — категорию в высшей степени «многоуважаемую и почтенную», но которой от самого бога полагается быть лишь слегка умнее пробки. А немцев я в этом сильно подозреваю. Русских давно не видала. Наслать вам их... Н., напр., на меня не удастся, — будут себе говорить, зачем не живет ближе, тогда бы ходили. К..., конечно, животное честное, но бы-

¹⁾ Д-р Фрейбергер — д-р, лечивший В. И. по рекомендации Энгельса.

Л. Д.

²⁾ Известный польский социалист, женился на не менее знаменитой Марии Яблоновской и стал присяжным поверенным в Лондоне, отличался большим скептическим умом; в 80-х годах был выдающимся пионером социалист. движения в Польше; впоследствии разочаровался, стал «критиком» Маркса и в этом отношении имел большое влияние на оппортунизм Э. Бернштейна. Умер в Варшаве еврейским националистом.

Л. Д.

вать там и холодно и zwecklos [бесполезно], скучно. Они-то сами все M-me der That, — какая-то ursprunglich Stumpfheit des Gemüths ¹⁾. Кроме этого, я совсем уже почти здорова. Так что пока одно мне с ним горе. — Ходила в музей и прочла, что Луи Блан говорит о Руссо: вот противная дрянь! Он перед ним на коленях, считает учителем и родоначальником своего социализма и при этом тщательно вычищает его от всех решительно мыслей, оставляя при самой малости sentiment.

Послала вчера рукопись заказной. Деньги Гуков[ского] продолжают не приходить. Элеонорка ужасно пристаёт (карты пишет для этого) написать в ихней «Clairon» для 1 мая 3 mots. Мне бы ей просто хотелось сказать: «отвяжись, постылая!» Но знаю, что нельзя и, чтобы отговориться, надо длинно разговаривать, так что выгоднее написать.

Ваша Вера.

11

Четверг ночью. 1895 год

Ловка статья Мих[айловского] в том смысле, что, сумев с видом большой основательности доказать целых 3 «недобросовестности», как он говорит, Бельтова, он мог с полным приличием умолчать о наиболее едкой у Бельтова стреле в него («фиглярство» по поводу Жуковск[ого]).

А что у Н. — она делает «аналогию вместо денег»?

Фрейбергер вторично не был, конечно, как и следовало ожидать. Только вы его, пожалуйста, не трогайте. Ну, какая ему может быть надобность, чтобы я была здорова? Я здесь теперь в первый раз живо поняла, до какой степени человек (солидный, деловой и добычливый, каковы здесь все и немцы, и русские, кроме глупенькой, полуграмотной и полуголодной девочки Абрамовой) человеку волк, только не в смысле «бестии», кусающей врагов — для волка это идеализм. Да и лекарства Фрейб[ергера] мне ничуть не помогают. До какого места я себя вылечила хлоралом,

¹⁾ «Дама дела», — «первоначально тупость чувства», — повидимому, ссылка на какие-то известные Плеханову обстоятельства или лиц.

так и остается. Кашель остается сухим и болезненным, хотя и не такой частый, как до хлорала, и слабость большая, а главное я и часу не могу, даже после кофею, интенсивно думать и писать, — сейчас туман в голове и спать захочется, а только лег[ла], уж расхотелось, начинает мучить мысль, что можешь и могла бы кончить статью, а она ни с места. Книги, кроме «Богатства», не приходят. Деньги тоже, и с ними, наверно, вышла ошибка. Но деньги у меня еще есть. Да к тому же в Сити лежат 30 м., за которыми не иду по болезни. Нет, уж где мне сделаться хорошей «Блонда-бестией»! Хотя я, право, желала бы. Война идет настоящая! А что делать со статьей Элеоноры, когда она ее представит? Какие дурацкие последние страницы их «письма» в «Богатстве» о литературе! Плохо даже для «одностороннего фельетона». Пишите бедному зверю, хотя он по беззубию и не годится в «бестии». Так мне тоскливо...

Ваша Вера.

12

Лондон, 5/IV 1895 г

Спасибо, милый Жорж, за «Русское Богатство». Слава богу, никакого зла не приносят моей статье Мих[айловский] с Кудриним.

А где писал Туган-Барановский? Нет у вас его? Можно ли о нем выразиться без почтения? Или сказать: мы, мол, не читали?

Упомянуть-то мне хочется только по поводу трагического положения Т[уган]-Б[арановского] на месте Смита и оба вышли из Волукамска [?]

Кабы вы знали, как я спешу и стараюсь. Но дни как-то ужасно коротки, хотя сплю самую мелочь.

Беда тоже, что и не оглянешься, как уж опять не то есть хочется, не то голова кружится. Элеоноре написала самое настоятельное воззвание о статье для майского №. Я и сама это письмами не считаю. Напишу настоящее письмо, когда эту статью кончу, кажется, очень скоро. Чтобы скорее и чтобы не так я мучилась, попросите Розалию Марковну прислать хлоральные порошки. Не дают тут в аптеках и нег знакомого доктора. А по рецепту женевскому также, пожалуй, не дадут.

[Письмецо к Роз. Марковне.]

Дорогая Розалия Марковна, если бы вы могли мне прислать хлорала (порошки), величайшее вы бы мне сделали благодеяние. У меня был, а теперь нету. Меня и Жорж очень спешит и сама я не умею писать, иначе, как скоро с большим азартом, а из-за этого азарта почти не сплю. Не могу засыпать. Если прерывать это время от времени сном при помощи хлорала, то силы не теряются, а иначе ужасно слабеешь. Ради бога, пришлите и побольше, если только возможно. Очень буду вам благодарна.

Ваша Вера.

13

(Лондон, 1895 г.)

Милый Жорж, вы наверное думаете, что я, наконец, приобрела хороший насморк и поэтому запоздала с ответом. Но насморка у меня [нет], и погода стоит хоть и туманная, но теплая, а болезнь моя совсем другая и заключается в одной моей злости. Вот уже 2-ю неделю, как у меня живет Шмулевич. Он добрый человек, знаю, что предан и Павлу и соц.-дем., но я решительно ничего дома делать не могу при нем — так, подлая тварь ¹⁾, избаловалась, — и это меня приводит в раздраженное состояние. Но знаю, что было бы подлейшее свинство отравлять ему существование (денег у него немного, и он ждет здесь дарового билета в Америку) — я все силы души трачу на старания быть любезной, беспрестанно его угощаю, значит, стряпаю и выливаю злобу на скребенья кастрюль. Но последние дни дозволила-таки себе уходить на целый день в музей, настряпавши ему на сутки. А то я последний месяц дома наслаждалась вдохновением и ходила в музей лишь изредка, когда что понадобится, а теперь без большой надобности изучаю «Антропологию» (т.-е. философию истории) Канта. Довольно любопытно: он массу заимствовал у Руссо, но тот говорит с бешенством, этот — с приятностью, — самым сладким голосом.

Но на себя, как я посмотрю, так что за злющая тварь! Целый год не видала никакого товарища, — надо бы радоваться, и Павел, верно, думал, что буду в восторге, а я

¹⁾ Эти «нежные» эпитеты В. И. отпускает на свой счет.

бешусь! Правда, что он, Шмулевич, абсолютно поглощен своей «лошадью» (отъездом в Америку) и о чужих не слушает, а я рада бы отдать ему все деньги, а сочувствие, — где я возьму? И симпатии-то нету — хоть ты что хошь, — одно бешенство в душе. Подписываюсь: «Злая скотина».

Фанни уезжает на днях в Вену, где Эпштейн ¹⁾ (Анна) умирает от рака. Пожалуйста, никого ко мне не напускайте.

Это на ваши вопросы, которые есть. Рикардо стоит всего 4 м.

14

[Лондон, 1895 г.]

Милый Жорж, пишется вам на энгельсовском письме в доказательство, что я к нему хожу — иначе он бы не опасался, что приду, когда он так *bouleversé* ²⁾. Должна признаться, однако, что письму я обрадовалась. Теперь могу притаиться, пока мне напишет приглашение. А к ближайшему воскресенью пригласить, надеюсь, забудет.

Меньше я стала вам писать потому, что у меня совесть не чиста насчет работы. Теперь-то я пишу с азартом, но слишком поздно нашел азарт, — слишком много остается делать. Я не думаю притворяться, что мне времени жалко, — мало ли я его зря трачу, хотя бы на грызню погтей? А просто нет у меня этакой *Freiheit des Gemüths* [свободы духа], чтобы с чистой совестью болтать. Нахожусь в состоянии, когда похожа на собаку: глаза взволнованы, и молчит.

Очень рада, что вырезки еще не опоздали. Боялась я, что останутся народники за это невысеченными. В этих делах их голос имеет значение. Нарушить «право собственности», «святость договоров» (выкупные сделки были договорами) даже и наше правительство может приличным образом лишь под видом «народного блага». Голос *оппози-*

¹⁾ Анна Михайловна Эпштейн, старая «чайковка», жена Д. Клеменца, друг Сергея и Фанни Марк. Степняк, врач, умерла в Вене осенью 1895 г.

²⁾ Энгельс в своей записке к В. Ив. говорит, что они в воскресенье будут без прислуги и потому не смогут принимать своих друзей.

ционной печати, специалистки по любви к народу, в данном и только в подобных случаях, для него важнее голоса реакционной печати. — Волховский ничего мне не говорил о вашем сотрудничестве в «Листке». Я его давно не видала, и мы с ним и Чайковским друг друга почти явно не любим. Готовы говорить мне (и я им) шпильки. Вас они считают лучше меня, добрее. Сергей тоже ничего не говорил, хотя его я недавно видала. Бедная Папа ¹⁾! Надеюсь вы-то ей не прибавляли конфузу?

Ваша Вера.

Нет ли у вас хоть Кареева о франц[узских] крестьянах? В музее нету, и я не знаю, в какое посмотреть об них сочинение. А непременно мне нужно! Всего больше мне нужно знать, насколько они еще были крепостными накануне революции. У Тэна — о беспорядках, голоде, но не об их положении. А мне надо, — у меня около этого очень уж хорошо одна вещь придумана. Кабы я теперь дала себе волю, то написала бы листа 3 о «вещи» и прочем. Но я беру себя за ухо и отвожу от письма.

А вы-то пишете! Ведь у вас совесть чище горного хрустала.

Если у вас попадаются необычайные марки (немецк., австр., румынские), вкладывайте их в письма: их моя хозяйка обожает, а полезно же ее подкупать, — она довольно милая.

А хоть письмо ваше было без марки, но 5 пенсов с меня не взяли, — даром почему-то получила.

¹⁾ Папа Шарапова вышла впоследствии замуж за известного толстовца Бирюкова, защищала на большом собрании женевской эмиграции и женевского студенчества философские взгляды Толстого и его положение о «непротавлении злу». На референтку посыпались по окончании чтения возражения, вопросы, принимавшие по временам очень ехидный характер. Папа Шарапова очень сконфузилась, растерялась и не закончила защиты своих взглядов. Это было в разгар увлечения толстовским учением русской молодежи и общества. Женевская политическая эмиграция вся почти без исключения относилась отрицательно к этому увлечению, как мешающему ходу революционного движения. Плеханов был среди оппонентов, но, насколько мне помнится, он был очень мягок в своей критике, щадя сконфузившуюся референтку.

Лондон, 1895 г

Милый Жорж, принимаюсь отвечать на оба ваши письма. Мне не кажется, чтобы отсутствие известий означало крушение Леты (?) при переезде Рубикона. Ведь корреспондентам утонуть по этому случаю не было никакого резона, и они могли бы одинаково известить о хорошем и дурном исходе. Просто затянулось дело, хотя, конечно, это не очень-то хороший признак. Присылайте поскорее счета. А вы не ответили, правду ли мне говорил Лазарев, что вышло *Soz[iales] aus Russland* и дали ли вы экземпляр Энг[ельсу], если правда? К счету, что вы у них [у фондовцев] взяли книгами, прибавьте тоже, что у кого-ниб[удь] из них (кроме Сергея, конечно) брали займы, если брали. Они тоже считают: «и деньгами брал». — «Board of Trade» — если только есть за целый год в продаже — вы непременно получите. Только об Olyett Элеонора не слыхивала, а написано *Eyre and Spottis wood'u*. — 15 шилл. она мне дала. За перевод она получает отдельно, кажется, тоже по 15. У Энгельса в воскресенье была. Ничего замечательного он не говорил. Неделю тому назад во вторник была у Мендельсонов. Я могла бы к ним повадиться, — у них интересно, совсем не скучно, в противоположность Бернштейнам, у которых скука смертная. «Мари»¹⁾ отлично умеет занимать, заботиться о том, чтобы ни один гость не сидел сычом. У них англичане были, знаменитый Гайдман, — его для меня заставляли говорить по-французски. Он очень умный на вид и очень живой, скоро так и горячо говорит — не по-англичанински; хоть, может быть, и скотина, какую его считают все наши немцы. Но... но... из предусмотрительности, едва ли следует туда очень-то поваживаться. Когда англичане ушли, мне предложили посидеть еще, а потом меня проводят, а так как было уже за полночь, и если читать английские газеты, то в неделю 2—3 убийства на улице или хоть покушения (на нашем Россель-сквере недавно было) непременно ночью встретишь, то я этому предложению

¹⁾ Жена Мендельсона.

обрадовалась. Мендельсон был под хмельком и принялся разглагольствовать против немцев социал-демократов в таком жанре, как при немцах я не слыживала. «Верил, мол, и я когда-то их брошюркам, — все это фразы». Ересей, конечно, может наговорить самый отличный человек, но у него чувствуешь как-то, что это не просто разговоры, а собирается он собаку вешать и поэтому уверяет, что она бешеная. Я, конечно, спорила, и жена его старалась смягчить смысл его речей, слегка принимала мою сторону.

Страсть писать и думать главное о «Капитале» у меня, слава богу, понемногу проходит. Когда мне показалось, что вы не слушаете, я удовлетворила свою страсть к разговору о «Капитале», изложивши по пунктам все свои выводы Павлу в самой страшной форме. Сегодня получила ответ. Он не хочет окончательно пугаться и приведет несколько доказательств шествия капитализма к социализму и помимо социалистического сознания рабочих (какое шествие я отрицаю). Я его, положим, сейчас опровергну, но уж охоты особенно писать об этом у меня больше нету, слава тебе господи. Мне кажется, что «абсолютная» рента (отличная от дифференциальной) Маркса очень похожа на Родберт[уса], вытекает ее возможность, как и у того, из преобладания в земледелии переменного капитала над постоянным. Но я не так отчетливо помню Родбертуса, особенно плохо помню...

[Нет продолжения. Л. Д.]

16

[Апрель 1895 г., из Лондона]

Дорогой Жорж! Я письменно попросила Элеонору об article для майского №. Ведь к ним часа 1½ езды, и никто у них без специального приглашения не бывает. Меня, слава богу, еще ни разу не приглашали, значит не придумали как приспособить к драке с Кир-Гарди, Гайдманом, Бельфор-Баксом и проч. Это теперь их единственное занятие и в музее никогда не бывают.

Не предложить ли что-нибудь написать Назар-Беку? Это мне потому пришло в голову, что привык он писать свою

газету, значит, коротенькие статьи, находится в поднятом настроении (они ведь находятся в тесных сношениях с Малой Азией). Все это идет для таких статей.

Руссо пишу, надеюсь скоро кончить, если ничто не оторвет.

Тема для статьи в 2 листа (а то и в один) мелькнула вот какая: пред получением вашего письма я читала «Кудрина». Теперь только достала. Статья действительно самая ловкая и [э] всех против Бельтова. Там о суб'ективном методе. Так как зарождение этого метода не по рассуждениям о суб'ективности, а по существу ясно и очевидно в XVIII веке, то у меня о нем накопилось мыслей, которые не знаю по каким примечаниям рассовать в Руссо. Читая Кудрина, я ему в голове пропасть навозражала: «совсем, мол, голубчик, не в этом дело...». Читая ваше предложение написать листа 2, мне и пришло в голову об этом написать. Но потом я рассудила, что вы, вероятно, ему уже давно где-нибудь ответили; затем тоже уж об нем, о суб'ективном, довольно говорено? Затем мне для этого нужно бы «Наши Направления» (для иллюстрации; по суб'ективному—интеллигентному, просветительному тож—мышлению мысли делятся на полезные и вредные, а он говорит, мы вредные, ибо без слез констатируем, что есть капитализм, а надо со слезами), а их нет в музее. Словом, коли вам эта моя тема не очень улыбается, то я с величайшим удовольствием буду вместо этого кончать Руссо. Я опять в него очень влезла, а прерву, опять затянется бог знает насколько, прервавши, мне потом месяц нужно, чтобы *rentrer dans cet ordre d'idées* — [чтобы вновь войти в круг этих идей].

Ваша Вера.

Дорогой Жорж, понедельник, а письма нету! Это вы на меня за письмо об Энгельсе рассердились? Верно, что очень глупо об этом писать. Я и тогда же чувствовала. Разорвала одно письмо, смотрю—другое опять такое же! Ну, думаю, чорт со мной. Не сердитесь—это, должно быть, от бессонницы. А мне приходится перебираться: хозяину дом понадобился,—выселяет всех жильцов. Он же мне дал

адрес квартиры почти рядом, за церковью. Совсем как моя и на 1 ш[иллинг] дешевле. Адрес мой теперь тот же Regent-square № 46.

Не кончу я, очевидно, Руссо к сборнику, — мне это очень грустно, и стараюсь я изо всех сил, но их и так самая мелочь, а еще переборка!

Пишите, ваша Вера.

Прилагаю для передачи Павлу письмо Банкира [?]. Я хотела его тогда же послать, да как-то забыла.

18

(Лондон, 1895 г.)

Дорогой Жорж, конечно, не пишу вам потому, что пишу статью. Но что вы со мной сделали: [не] *постараться* надо прислать книгу, а *прислать во что бы то ни стало*. Сами подумайте: разговариваю я с Михайл[овским], (нельзя его б[ыло] обойти) и Кудриним. Статья уж около половины (начерно), и вдруг я узнаю, что они чего-то там интересного наговорили. Что я теперь буду делать, пока получу книжку? Какая тоска!

Решительно ничего не помню о пожертвовании Мих. [?]. Со времени воцарения Глико ¹⁾, я не имела отношения к сборам и ничего не записывала, по крайней мере, систематически. А как жаль, что не напечатали тогда мою статью! Мне понадобилась цитата из нее, и я ее невзначай перечитала совсем как посторонний читатель и неожиданно для себя нашла, что она *очень хороша*, неизмеримо лучше всего, что я прежде писала, кроме 2—3 страниц начала, которые плохи. Теперь-то устарели цифры, цитаты.

Во что бы то ни стало книжку «Р[усского] Б[огатства]!» Ради всего святого, украдьте, купите!

Я еще раз напишу Элеоноре. Я ее, кроме того, видела, и она обещала его книгу.

Я говорила Элеоноре, что надо спешить.

Прилагаю циркуляр будущего конгресса.

¹⁾ Глико — политический эмигрант, личный друг семьи Плехановых; заведывал типографией гр. «Осв. Тр.».

(Лондон, 1895 г.)

Милый Жорж, отправила утром письмо, а вечером получила ваше и книжку «Русс. Богат.». Я очень рада, что на расстоянии вы намерены на меня не сердиться, что бы я ни наболтала. А то ведь тут такая коллизия. Мне кажется, у людей вообще (и уж, несомненно, у меня в частности) есть потребность кому-нибудь писать, иметь возможность болтать все, что угодно, с уверенностью, что настолько тебя знают, настолько близки с тобой, что обругать, конечно, могут, но всерьез рассердиться, переменить отношение не могут, что бы ты там ни наговорил. Это и есть, мне кажется, одна из существенных черт дружбы. Но, с одной стороны, я знаю, что взятый «an und für sich» [сам по себе] вы меньше кого бы то ни было на свете пригодны для выслушивания чужих глупостей, а с другой, — во всей Европе, по меньшей мере, — у меня нет никого, хоть бы наполовину настолько близкого, как вы, а в Азию письма идут два месяца, их жандармы читают ¹⁾, при таких условиях потерялась бы нить болтовни, привычка свободного разговора. Отсюда и выходило, что глупость-то я написала, а затем мысленно читаю ее вашими глазами и вижу вас злым. Понятно, как я рада, что, по меньшей мере, до теплого времени (когда у меня не будет резонов заболеть), мне не надо будет, отправив вам письмо, читать его потом вашими глазами.

А ведь предсказывала же я, что Михайл[овский] может с видимым правом массу напищать о «героях и толпе», так как употребляет слово «герой» в другом смысле. Статья не сильна, но не без ловкости написана. Очень уж слабы, конечно, жалобы на «резкость». Это после его-то громов против того «мы», к которому, он же сам говорит, причисляет себя Бельтов!

23/VII 1895 г

Дорогой Жорж, это письмо оттуда же, откуда и все те, содержание которых я вам передавала. Только на другой

¹⁾ Очевидно В. И. имела здесь в виду переписку со мною и со Стефановичем. Л. Д.

адрес, «Эдя»¹⁾ мне его передал. Должно быть, Женичка плохо поправляется, что не пишет, и вам теперь, бедному, не до болтовни.

Ваша Вера.

Прислал еще ордер на 1 фунт 19 пенсов, теперь уже на имя Nanine (Нанин), должно быть Гук[овский]. Еще не ходила получать.

Приехал Селит[ренный], не доехавший до места, куда ехал.

[К этому письму была приложена следующая немецкая записка].

Sehr geehrter Herr!

Es fängt mich an zu beunruhigen Ihr völliges Schweigen; sind Sie auch gesund? Haben Sie meine beide Briefe erhalten? Schreiben Sie wie es Ihnen persönlich geht. Meine Briefadresse bleibt dieselbe. Mit Spannung erwarte ich Ihre Antwort. Hochachtungsvoll, ganz der Ihre A. v. Sch.

[Очень уважаемый г-н! Меня беспокоит ваше молчание: здоровы ли вы? Получили ли оба мои письма? Напишите, как вы лично поживаете. Адрес для писем мне все тот же. С нетерпением жду вашего ответа. С глубоким уважением. Весь к вашим услугам.]

(Из Лондона, 1895 г.)

Милый Жорж, как хорошо вы писали в субботу про то, что напишете в воскресенье, — даже точно обозначали, в каком часу в воскр. открыта почта. Теперь я боюсь, что вас опять схватила инфлуэнца — тем более, что вы тотчас же после нее (и даже не после, так как она только «кажется, проходит») изволили бегать по Ландольтам²⁾. Утешает меня несколько лишь такое предположение: вы находите, что

¹⁾ Эдуард Бернштейн. Л. Д.

²⁾ Ландольт — ресторан, расположенный вблизи квартиры Г. В., куда он в течение многих лет любил заходить, обыкновенно около полуночи, после продолжительных занятий, чтобы за кружкой пива и газетой отдохнуть или побеседовать с кем-нибудь из русских и иностранных знакомых. Л. Д.

надо с письмом послать счета, но по многолетней особенности своей не репаетесь перебрать систематически вещи (вынимая их из шкапа) в том шкапу, где лежат счета (вы отсюда даже видели, как они лежат), как я вас многократно учила и даже теоретически доказывала согласно марксизму и диалектическому способу мышления. Вместо этого вы — отсюда вижу — лишь по временам запускаете в шкап руку и все там переворачиваете и перемешиваете. Если мое предположение, что в этом заключается причина неписанья, верно, то вы уже более никогда не напишете, так как счетов никогда не найдете. Я в прошлый раз так спешно писала, что не выразила своего удовольствия по поводу книги Бельтова, а между тем я была ей ужасно рада, так как в душе начала уже ее хоронить. Она мне даже мешает, так как я нет-нет да и принимаюсь в ней рыться, искать разных милых мест, чтобы посмотреть, целы ли они и «каковы в печати», — почти все целы, хотя примечания о Кривенке мне жалко. Не сообразовали ли вы выписать через своих козлят (?) вышедшую книгу Максима Ковалевского «Происхождение современной демократии», издание К. Т. Солдатенкова? Она, кажется, ужасно интересная. О ней в газете большая рецензия. А еще сообразовали выслать наше издание перевода «Фейербаха» Энгельса.

Низко кланяюсь и поручаю себя вашему благоволению.

Вера.

22

(Лондон, 1895 г.)

Как видите, милый Жоржинька, я и не думала быть зла и тоже все старалась заслужить. А вот теперь так действительно зла, хотя и не лично. Старому семидесятнику одичать до такой степени! Точно Петр Лаврович!.. Забыть простое правило вычитания! А ведь только лень подумать, лень оторваться от льна-горнозаводства ¹⁾ и проч. И забыли вы как Селитренного прозвали! Перечитали бы вы мое письмо. Конечно, теперь вы и без этого должны понять. Уж ка-

¹⁾ В. Ив. имеет, вероятно, в виду, что Г. В. в то время усилленно занимался изучением хозяйственного, экономич. быта России, подготавливая книгу против В. В. (Воронцова).

жется ясно! Но я уж теперь такого стала скверного мнения о ваших умственных способностях (кроме писательской области), что допускаю — опять не поймете, хотя с'ездовой «жид» [?], и тот бы понял. С. Кривенко бы понял, уверяю вас! Где я возьму переплетов ¹⁾? Неделю надо употребить на справки, а, может, на свете такого нет переплетчика, и тащенья занятых людей к переплетчику, когда подходящий найдется. Вы спрашиваете, вместо какого каталога вышел новый? Не сказано, — просто: «вместо старого новый». Я бы решила, что вместо обоих старых один новый. Ваше последнее письмо, обнаружившее вашу глупость, получено в субботу, но поздно (10 час., а утром получено очень милое письмо), чтобы ехать к Энгл[ельсу]. А завтра при Менд[ельсонах и] всяких дамочках и проч., едва ли удобно говорить. Так что я завтра вечером брошу ему письмецо: спрошу, когда к нему притти, прибавлю, что мне к спеху. Вам письмо сейчас сброшу, а когда пойдет, не знаю.

Ни письма Войнич ²⁾ (я писала, что письмо от 10 сент. 1892 года), ни письма Павлика с заказом в моих «вещах» быть не может, я это передала Глико, еще в первый раз как на меня напали жандармы. Но еще (во 100 раз) важнее этого письма никогда у меня и не бывавшие списки книг, отправленных Войничу после 1892 года. Они всегда были у Глико ³⁾. Их физиономии я не знаю. Глико говорил, уезжая, что передал их Розалии Марковне. Если Глико нет в Женеве или есть, да вы не можете попросить его самого разыскать эти записки в оставленных им бумагах, то уж лучше бросьте, — все равно не найдете, не отличите их среди бумаг. А я Решшианцам ⁴⁾ так и скажу, — счета, мол, потеряны, считайте, значит, как хотите. Павел пишет, что никогда

¹⁾ Очевидно, Г. В. предлагал Вер. Ив. переслать ему какое-нибудь конспират. письмо, заделанное в переплете.

²⁾ Войнич — администратор Фонда Вольф. Русск. Прессы. Л. Д.

³⁾ Раковский, отправлявший массу книг летом 1893 года (когда Войнич был в Швец.), сказал мне, что сам их все переписал и отдал списку Глико. Но тот мог, конечно, снять копию своей рукой. В. З.

⁴⁾ В. Ив. произвела эту кличку от «Free Russ.», так наз. Русско-Англ. Общество, созданное, главным образом, Степняком в Англии из лиц, сочувствовавших и готовых помочь освобождению России. Л. Д.

не получал брошюры Дикштейна, но слышал от Глико, что было сколько-то получено в Женеве. Но сколько? Хоть бы это узнать, а то еще мы им окажемся должны. Одной стороной (деловой) души я на вас зла, но другую — наоборот. Утреннее письмо милое, — хотя и обнаруживает неспособность найти счета.

Салахонушку [?] спешу вам. Я начала ходить в музей. Но, ох! как это утомительно и холодно!

23

Лондон, 1895 г

Милый Жорж, сажусь отвечать в то же мгновение, как получила ваше письмо, не из одного послушания, а еще и потому, что не буду в состоянии продолжать работы, пока не отвечу, — буду думать об ответе. Какое свинство, что я после вашего отъезда читала «Капитал» вместо работы, а потом заболела. Кабы не это, кабы я так все время работала, как последние недели, — я бы кончила. Отчего вы тогда не перегрызли мне горло? Хотя «Капитал» дал мне очень капитальную мысль и для Руссо. Работа идет у меня теперь отлично, — часа 3—4 в музее, а остальное время пишу с азартом и наслаждением. Но я боюсь до смерти назначить скорый срок, — ведь Руссо не такая работа, чтобы нужно непременно как ни сказать, хоть вкратце, да сказать. Не понимали его 150 лет, так отлично можно и еще 200 не понимать. Все дело, значит, в том, как вести разговор: вкратце — боюсь, не будет интересно. Вот я попробую рассказать вам план. Не знаю только, до какой степени вы «начитались Руссо» и, следовательно, будет ли вам видно, что я могу сказать. Заглавие в таком роде: «Судьба идей Руссо» или: «Идей Руссо и их судьба». — Вначале вкратце резкими противопоставлениями (страшный пессимист, а обожали оптимисты и пр.) показано, что судьба очень странная. Затем говорю, что, судя по встречающимся в нашей литературе отзывам, знают у нас не настоящего Руссо, а отделанного по своим надобностям последователями Луи Блана. Затем изложение идей Руссо. Вот это одно и сделано уже у меня. Изложение в перемежку с моими замечаниями. Главное, показываю, в чем ход развития, что у Руссо грешит против новых

исслед[ований]. В действительности оно шло больше в его духе и вкусе, чем он думал. Да и то еще надо переписывать. Но только это одно ни на что не нужно. Дальше план. Показываю, что французские его последователи действительно его не понимали (и Эмиля и Con[trat] Social, так как, по совершенно верному замечанию самого Руссо, нельзя понимать без Речи о нер[авенстве], — в ней суть идей, а там лишь их приложение). Далее показывается, почему они должны были, с одной стороны, зажимать уши от его идей (из самосохранения, как деятелей), с другой — обожать и цитировать его вырванные из связи фразы. Он в высшей степени бесстрашно объективен, не отступает перед тем, что ему кажется верным, как бы это ни было безнадежно, а в другом смысле, в высшей степени субъективен (всей душой сочувствует побитому Изяславу и проклинает Ярославла). Последователям Руссо нужна была его последняя сторона. И они, и Кант (с друг[ими] немцами), и реакционеры в один голос говорят, что он парадоксален, но для последователей парадоксальны его идеи, а верны, хороши выражения чувств, — Кант и французские реакционеры более или менее согласны с его идеями (упрощая и извращая [их] слегка), а парадоксально для них его отношение чувств к цивилизации. Показать, что это происходит от разницы в положении реакц[ионеров(?)], с одной стороны, и рев[олюционеров], — от разницы в моменте развития Франц[ии] и Герм[ании] — с другой. Далее. Доказываю, что Руссо не парадоксален, что с его точки зрения (верной, несмотря на то что многого не знал, что узнано потом и с оговорками и ограничениями, конечно) в половине XVIII века, зная всего лучше Францию, он должен был видеть впереди для цивилизованных страх рост деспотизма, судьбу императорского Рима. Вот тут интересное для меня место, но не сумею изложить в 2-х словах. Вся тяжесть цивилизации лежала тогда на крепостных крестьян[ах] (владельцах орудий труда). Снять с них эту честь мог лишь капитализм, и он же сделал ненужным личную несвободу производителя и потому возможным сравнительно законные и свободные современные государства (эту идею мне Маркс в III томе подал). Этого оборота дел Руссо не мог предвидеть. Вот для этого места мне необходим Мак[сим] Ков[алевский] о Франц. рев., — «Рус.

Вед.» говорили, что из него видно, будто крестьяне не были крепостными. Мне не верится. Разные сверхштатные гадости крепостного права были уничтожены, но землевладение не было свободно, и налоги насильственны были. А вы забыли попросить прислать его книгу? И раз уж вы все равно написали Кантовскую «Антроп[ологию]» все-таки прислали бы?

Заключение: современная Европа с точки зрения Руссо. Выйдет, что и с нее видна возможность соврем. социализма. Непочтительности к Марксу тут не будет, — Руссо с другой стороны подходит, которую Маркс не трогал (способы удовлетворения потребности создают те или другие нравы, и нравственность различна у различных слоев, с ними и она изменяется, известный общественный строй непосредственно зависит от нравств[венности] и лишь посредственно — от производства).

Как всегда, когда я пишу с увлечением, мне и теперь [кажется], что это все очень интересно, а, если обрезать, только часть этого изложить, потеряет всякий интерес. Я и то уж великую массу вещей обкарнала, которые сюда же просились. Мне это очень больно (пропадает уверенность, что будет напечатано), да и совестно, что не успева, но все-таки пусть лучше меня не ждут. Выкинуть можно разве что Канта, но это малость самая, а интересно.

Теперь суббота вечером. Сейчас брошу письмо, но не знаю, пойдет ли? Кажется, до 12 еще пойдет, а теперь 10¹/₂.

Поблагодарите Розалию Марковну за хлопоты с посылкой денег. Еще не пришли, — пожалуй, опять введет их в соблазн новое (двойное) имя.

Я теперь слишком в азарте, чтобы обратить свои мысли на кровать. Да долго ли будет ее купить? Как напишет, что едет, и куплю. Вас и комната ждет, которую я не пачгаю и не трогаю.

А Павел не верит, ч[то] я сама про Крив[енко] выдумала. Верно, мол, сплетни слыхала, а потом узнала, что ложны ¹⁾. Точь-в-точь, как не верил, что вы спрятали [?] 50 фр.

¹⁾ Вера Ивановна 1 апреля, чтобы обмануть своих швейцарских друзей, написала им какой-то вздор (теперь уже не помню его в подробностях) про Кривенко, будто бы распространявшего слух, что

Лондон [1895 г.]

Милый Жорж, очень я рада, что Женичка [дочь Г. В.] поправляется. Кричите на меня страшным голосом, буду стараться, а там, что бог даст. В первый раз в жизни я боюсь заболеть, а инфлюэнца чуть не у всех, отчасти, чтобы не прерывать своего старания, а также и из убеждения, что наверное никто не зайдет, как бы ни заболеть, так как Абрамов [?] на практике, а у самого доброго из стариков Серебрячка у самого маленькая инфлюэнца. Я у него была недавно, и мы по душе говорили комплименты — он вам, а я ему, насчет сохранения старого радикального духа. Ему тоже (он сам об этом заговорил) очень противен оппортунизм фондовцев. Из Азии получила вчера большое письмо. Там всякие новости: Дмитро (Стефанович) еще летом отправился по поручению начальства на экспедицию «для открытия кратчайшего пути от Якутска к Охотскому морю». Он уже имеет право раз'езжать по Восточной Сибири, а по манифесту может и еще какие получит. На Каре результаты манифеста еще не известны, но ждут со дня на день. Женька женился на Ананьиной, тоже каторжной политической. Мойша¹⁾ в Женькином письме заводит со мной большой спор. Я написала, что здесь народ «поумнел». Он, как Женька пишет, «с пеной у рта» доказывает, что всем следует поумнеть, и очень недоволен немцами, которые напали на Фольмара, выказавшего поумнение. Он и в теории стоимости вдруг усомнился. «Как, — спрашивает, — определите вы, сколько труда пошло на главный продукт, сколько на побочный (солома, деревянные опилки и пр.), которые тоже имеют стоимость?».

Ну, из этого вопроса не видно, чтобы он поумнел, а видно только, что забыл теорию стоимости, хотя мне помнится, что Женька как-то упоминал, что «Капитал» у них в библиотеке есть.

Деньги и на «Nanine» получила.

Ваша Вера.

члены группы «Осв. Тр.» решили посткрывать трактиры и кабаки в деревнях для наиболее быстрой пролетаризации крестьян. Г. В. и Пав. Бор. поверили этой мистификации. Л. Д.

¹⁾ Псевдоним, Арона Зунделевича. Л. Д.

[Лондон, 1895 г.]

Милый Жорж, письмо ваше какое-то смиренное и производит на меня такое впечатление, будто вы больны. Не знаю хорошенько, почему, — может быть по воспоминанию, что вам случалось быть этаким смиренным во время болезни, или и вправду нездоровы?

Получила, наконец, письмо от Женьки, на адрес Павла. Два его письма, посланные на мой адрес, оказывается, пропали. Но он предполагает, что переврал адрес, так как потерял его и писал на память. А то и с деньгами Шмуля вышло что-то подозрительное. Я от главной почты письмо получила. Сюда на главную почту деньги дошли, а перехвачен кем-то Money Order. Теперь производится следствие. Но ведь, чтобы получить по ордеру, надо было знать имя и фамилию отправителя. А это мог именно разве что шпион сообразить, подслушавши наши с Шмулем разговоры.

Бельтов производит на Каре страшный фурор. Все его ужасно ругают, только Зунделевич кричит всем, что она книга Eroschenmachendes. Женька пишет, что свое мнение высказал в двух пропавших письмах и в этом не повторяет. Там ждут с нетерпением ответа Бельтова рецензентам. Женька подошел под амнистию и последний год ему сбавлен, так что должен бы уехать на поселение, но он хлопочет, чтобы ему остаться на Каре в качестве мужа Ананьиной, которой остается еще 9 лет быть в «вольной команде». Ей, как и Мойше, вечная каторга помилована в 20-летнюю, и он надеется, что хлопоты увенчаются успехом, а то его еще летом должны бы отправить, а оставили пока.

Какая это статья «Кудрина» в «Р. Б.»? Не Тарасова ли? Женька пишет, что она как будто Кривенки, взявшего от конфузу псевдоним. Глупая она!

А я, скотина, ведь так и не ответила на письмо Селитренного! Ведь он просит такого ответа: «я к вам отношусь очень хорошо, пожалуйста, ходите». А я отношусь к нему как к слюнявейшему из трусов, каких когда-либо встречала, но этого ему писать не хочу и очень не хочу, чтобы он ходил. Когда очень редко выдаешь людей, ведь каждый в отдельности производит неизмеримо большее впечатление. Как

тут быть? Жду, когда будут деньги (Павел пишет, что пришлет 50 р., если те затянутся), и тогда пошлю ему очень добрым голосом («вы, мол, мне тоже помогли»), подразумеваемая тальму, которую не ношу никогда за то, что она Селитренного), но умолчу об «отношении» и визитах.

А ваше понятие об идеальной «нравственности», смахивает на кантовское (у меня-то никакого нету). По его — «законы должны вытекать из общей воли», но не следует государю справляться с эмпирической волей населения, которое руководствуется стремлением к Glückseligkeit [благополучию], тоже эмпирическому, а должен он справляться с волею, какая *должна бы быть* (dürfte) у населения, если бы оно руководствовалось абсолютным Rechtsprincip [правовым принципом]. Но как ярко видна бессознательная «хитрость разума» интеллигента в приводимом им примере. Налогами какими угодно правительство может облагать, как бы подданным ни было бы от этого sauer [кисло], — тут Rechtsprincip не нарушается, а только Glückseligkeit, а свободу печати оно должно дать, это imprescriptible Recht [неотъемлемое право].

Насчет «хитрости» — это уж к вашему уму не относится. Но нет ничего в мире хитрее (плутоваты и бессознательно и сознательно) ума, стоящего на точке зрения «интеллигенции», как чего-то самостоятельно нужного, важного или благодетельного. И наша интеллигенция — плут страшный.

Вы не прочли кажется статью Южакова в № 8 «Р. Б.»? Она дурацкая. Но, плут, все химии и проч. естест[венные] науки притащил за волосы, чтобы показать ужасную важность критической мысли в противность «экономическому».

Будьте здоровы. Пишите.

Вера.

Ваших английских анархистов ¹⁾ получила, наконец, хорошенькие.

А Эвелинги ²⁾ дом купили в Лондоне, но далеко, с час езды от моих центральных мест.

Не знаете ли, т.-е. наверное знаете, откуда взял Мих[айловский] взгляд Энг[ельса] на Руссо, который излагается у

¹⁾ То-есть появившуюся в переводе Элеоноры Марке на английском языке книгу Г. В. об «Анархизме и Социализме».

²⁾ Д-р Эвелинг, зять Маркса, был мот и развратник, доведший Элеонору до самоубийства.

вас в цитате, кончающейся тем, что после равенст[ва] деспотизма опять растет неравенство и приводит к равенству «Общ[ественного] Договора». Откуда он взял эту бессмыслицу? Из «Дюринге Умвельдунг»? У меня нет ни одной брошюры Энг[ельса]. Неужели Энг[ельс] т[ак] говорит, а не Мих[айловский] наврал?

26

[Лондон в конце 1895 г.]

Милый Жоржик!

Тотчас по водворении в своей комнате я вам написала, но письмо, должно быть, не застало вас в Женеве, так как, судя по вашему, вы его еще не получили. Что же мне написать о себе? Сижу дома, втягиваю себя в работу. Азарта набрала уже довольно много, но сил не очень. Я была простужена все это время. На [похоронах]¹⁾ прозябла, да потом еще спать с непривычки пришлось в нетопленной комнате с Фанни. Она одна боялась, а в топленной не могла спать. Урна тоже у нас в спальне была все время. Теперь у себя топлю во все лопатки и отогреваюсь. Тема для статьи листа в два у меня очень шевелится в голове и даже мешают кончать Руссо. Но боюсь назвать... Пока помолчим.

Фанничка должно быть уже послала рукопись и деньги на бумагу. Как я вам, кажется, уже писала, англичане собирают деньги в память Степняка для Фанни, а она думает употребить их на издание. Но, кажется, немного они соберут, да и Фанни не хочет теперь никаких денег, потому что надеется умереть, но я думаю, что она не умрет и останется без всяких средств. Поэтому какие деньги для романа попадутся, брать все-таки следует. Но, конечно, обидно навязывать рефераты о Сергее, и вы хорошо сделали, что не читали. Получили ли «Листок»²⁾ с моими примечаниями? Не знаю, куда адресовать письмо, чтобы скорее до вас дошло, и как-то, поэтому, не очень пишется. А вы, милый Жоржик, пишите, я уже давным-давно об вас соскучилась, но не хочу об этом и думать. Ваша Вера.

¹⁾ Степняка [Кравчинского]. Л. Д.

²⁾ Редактированный Степняком «Листок Вольн. Русск. Прессь».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	Стр. 3
-----------------------	--------

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. Г. В. Плеханов. Материалистическое понимание истории. Лекции, посмертная рукопись, с предисловием Р. М. Плехановой	5
2. Л. Г. Дейч. Полувековые годовщины	53
3. Р. М. Плеханова. Периферийный кружок «Земли и Воли»	81
4. Л. Г. Дейч. Из Кариийских тетрадей	117

ПИСЬМА

5. Л. Г. Дейч — Я. В. Стефановичу	146
6. П. Б. Аксельрод — Л. Г. Дейчу	148
7. Я. В. Стефанович — Л. Г. Дейчу	152
8. Л. Г. Дейч — И. Н. Присецкому	220
9. В. К. Дебогорий-Мокриевич — В. И. Засулич	226
10. Н. Чайковский — В. И. Засулич	237
11. В. И. Засулич — Л. Г. Дейчу	240
12. П. Б. Аксельрод. — Л. Г. Дейчу	268
13. X. Г. Раковский — В. И. Засулич	274
14. В. И. Засулич — Г. В. Плеханову	277
15. В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. — Переписка	311

РАЗНОЕ

16. Ф. Энгельс. О военной мощи царской России	350
17. Ф. Гинзбург. Русская библиотека Маркса и Энгельса	357
18. Ф. Гинзбург. — Маркс о Ткачеве	387
19. Дз. — Наследие отцов	395
20. Г. В. Плеханов. — Русская учащаяся молодежь	407
21. Письмо в редакцию. (Плеханов в Горном институте)	408
22. Алфавитный указатель собственных имен	411

ПОРТРЕТЫ.

1. Р. М. Боград-Плеханова в юности.
2. Г. В. Плеханов в 90-х годах.
3. Н. Г. Чернышевский в 80-х годах.
4. И. П. Мышкин в 70-х годах.

